

УДК 811.512.162

РИТУАЛЬНЫЙ СМЕХ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Иманов М. К.

*Институт фольклора Национальной Академии наук Азербайджана, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

Для исследования особенностей комедии в азербайджанском фольклоре необходимо изучать ее связь с мифами и обрядами, а также уделять внимание тому, что магическая субстанция несет в себе смех. В статье на обширном материале азербайджанского фольклора и письменной литературы исследована волшебная сущность смеха.

Ключевые слова: смех, магия, фольклор, текст

Постановка проблемы. В Азербайджанских сказках встречается мотив появления огня из смеха. Актуальность проблемы обусловлена отсутствием исследований в этом направлении.

Естественно, что и огонь, как и свет, связан с солнцем. Появление от смеха огня косвенно указывает на связь смеха с солнцем. Однако, в отличие от цветов, рождающихся от смеха, огонь является для героя оружием острой борьбы: «Пери-ханум громко расхохоталась. При хохоте язык пламени, вырвавшись из её рта, упал на дервиша. Когда дервиш загорелся, то быстро бросился в бассейн падишаха» [1, т.1, 23]. Огонь, образующийся от смеха Пери-ханум являющейся одной из основных героинь Азербайджанской сказки «*Qaraqaş*» («Чернобровый»), предназначен для испепеления злых сил. А образовавшиеся от смеха цветы представить как такое острое боевое оружие сложно. Девушек, от смеха которых появляются цветы, видим не как противоборствующих со злыми силами на открытой арене, а как образы, побеждающие врага своей красотой и магической силой. Чтобы обосновать свою мысль обратимся к сказке «*Üç bacı*» («Три сестры»). В этой сказке главный герой обладает еще большей силой, чем вышеупомянутые Гюли-хандан, Гюльханум и Гюли гах-гах: при ходьбе одна нога чеканила золото, другая серебро; при плаче дует ветер, поднимается буря; при смехе изо рта сыплются букеты цветов. Когда завистливая тетя выкалывает ей оба глаза, девушка не прекращает свой волшебный смех, цветами, образовавшимися при смехе, излечивает глаза, и может сообщить нареченному о настоящей сути вещей, а сказка, разумеется, завершается её победой [1, т.1, 120-129]. Хотя в средствах борьбы есть определенная разница, имеется немало черт, объединяющих героя «Трех сестер» и Пери-ханум из сказки «Чернобровая». Самой главной чертой, объединяющих эти образы, является то, что их магическая сила дает толчок добру. Та самая магическая сила, которая появляется только и только при смехе.

Человек, верящий в появление цветов от смеха девушек-пери, постепенно начинает верить в собственную силу и хочет приблизить к себе освященную им окружающую природу. Эта вера и желание нашли свое отражение и в языке. Личные

имена Гюльханум, Гюллю, Гюльбадам, Гюльбута, Чичек, Бановша, Гюльага, Гюльоглан и т.д., выражения «подобный цветку человек», «цветку подобное слово», «подобная цветку работа» – подверглись изменению и приобрели ироничный смысл. Выражение «*gül ağzını açmaq*» – «раскрыл свой рот подобный цветку» и т.д., хотя и носят сейчас метафорическое содержание, на самом деле появились в результате мифологического сознания. Упоминаемые нами имена, выражения и фразы наглядно показывают мифологическую связь человека с цветами. Эта привязанность находит свое подтверждение и в ряде поверий: «Из дома другим цветов не дают. Цветок – это ребенок, отдашь другому, радость покинет дом» [2, 156]. Признание цветка ребенком является наглядным примером культа природы. Наши предки, так высоко котирующие природу, мечтали о милосердии природы к человеку. Искали различные пути воздействия на природу и один из таких путей видели в опоре на силу слова. Одну из главнейших форм словесного воздействия человека на природу составляют календарные и обрядовые песни. Желая восхода солнца, дождя, плодородия земли, и с этой целью обращающийся к природе человек, несомненно, не мог говорить с природой в повелительном тоне. Слова, обращенные к солнцу, туману, ветру, должны были выражать не повеление, а ласку, чтобы были по душе природе и желания человека не остались бы нереализованными:

Qodu gün çıxarmasa,
Gözlərin oymaq gərək
Если Году не сможет пригласить солнце,
Выколоть нужно ему глаза [3, 34].
Duman, qaç, qaç, qaç,
Pərdəni aç, aç, aç.
Səni qayadan asarlar,
Buduna damğa basarlar.
Туман, беги, беги, беги,
Занавеску отодвинь, отодвинь, отодвинь.
Тебя повесят со скалы,
Заклеймят твое бедро [3, 31].

Было бы более правильным искать в «выкалывании глаз» Году, «подвешивании со скалы» тумана, «клеймении его бедра» не угрозу, а дружественность (фамильярность) и юмор, порожденный этой фамильярностью. Наглядным примером подобного фамильярного отношения обращение «дедушке» к ветру в другом обряде:

A yel baba, yel baba,
Qurban sənə, gəl, baba.
Эй, дедушка ветер, дедушка ветер,
Да буду жертвой твоей, приходи, дедушка [11, 104].

Несомненно, что и знаменитая песня «Коса-коса», исполняемая в сезон завершения старого и начала нового года, появилась с целью воздействия на природу для достижения большего плодородия земли. В воплощении в жизнь этой цели самую главную роль сыграл именно смех. Являющаяся составной частью одноименной постановки песня «Коса-коса», образуя единство с комической внешностью и поступками Косы (*kosa* – образ и главный герой весеннего народного веселья – прим.

пер.), усиливает свою силу воздействия в несколько раз. Надетый наизнанку тулуп, на голове папаха из бараньей шерсти, дерево в форме пяток вместо обуви, колокольчик на шее, привязанная под одеждой к животу подушка [11, 255-256] являются основными деталями, придающими комизм внешнему облику Косы. Следующие слова, исполняемые плешивым (*keçal*), являющимся одним из основных участников представления, добавляют новые штрихи к портрету косы:

Kosa handan gələr,
Yolu qoyar, damdan gələr..
Aftafa dəlik, su durmaz,
Qazan dəlik, yağ durmaz.
Biçarə qaldı kosa,
Kəfənsiz öldü kosa.
Kosam ölməkdədi
Gözləri çölməkdədi [3, 36].

Откуда идет коса,
Не путем, а сторонами
Афтафа (кувшин для омовения) дырявая, Вода не держится,
Казан дырявый, масло не останется.
Беспомощным остался коса,
Без савана помер коса.
Коса мой при смерти,
Но глаза не оторвать от чаши.

Коса, танцующая на площади, перед зрителями, забавляет публику. Смешной внешний облик, смешные слова и забавы, по архаическим верованиям, пробуждают, оживляют землю и оказывают магическое воздействие на ее плодородие.

Вызывает серьезный интерес близкое перекликанье одного из слов саячи (*слова саячи* – промысловые песни пастухов в Азербайджанском фольклоре-прим.пер.) про козла с песней «Коса-коса». В этом слове саячи и козел (*теке*) представлен комическими красками, как и коса: этот козел худ, с трещинами на пятках; зимой морозы повидал, потому шерсть у него дыбом; козел, на ханство пойдя, становится злодеем; козла убивают, бросают в ригу [3, 27]. Как имя Коса упоминается в паре с плешивым, так и имя козла упоминается рядом с бараном или же козленком. Часть упоминаемой нами слова саячи настолько перекликается со знаменитым фрагментом песни «Коса-коса», что если не заменить словом «козел» (*təkə*) слово «коса» (*kosa*), а словом «козленок» (*çəpiş*) слово «плешивый» (*keçal*), то различить эти две песни будет невозможно:

Təkəm bir oyun eylər..
Yıǵar Gilan düyüsün,
Çəpiş bəyin toyun eylər [3, 27].
Козел такое вытворит....
Соберет рис Гилана,
Свадьбу устроит козленку- жениху.

Близость песни о козле, как по содержанию, так и по форме к песне «Коса-коса» позволяет напомнить о проведении некогда особых обрядов саячи с целью магического воздействия на овцеводство и о ведущей роли смеха как важного компонента в этих обрядах, и отметить, что выдвижение козла (идушего впереди стада козла-самца) на передний план в словах саячи сообщает о нем, как и коса, как о символе плодородия. Естественно, что проводящий последовательные и системные исследования в сфере народного юмора фольклорист Т.Фарзалиев видит непрерываемую связь между нашим онгоном «сая» (saya) и онгоном «тая» (taa) у алтайцев, и называет игры-представления «магически-волшебными сценками» [4, 16-17].

Становимся свидетелями и того, что во многих случаях смех отображается в качестве чудесной силы, спасающей человека от напастей и смерти: «Жила женщина по имени Фатима, сошла с ума. Привели Моллу Джума из Нувади, чтобы помог Фатиме. Молла Джума посмотрел на Фатиму и сказал:

- Бейте в барабан!

Барабанщик, исполнитель зурны подготовились, 3 дня с размахом игралась свадьба.. Музыканты играли, Фатима танцевала.. С этой пляской сумасшествие покинуло её» [5, 59].

А способность смеха вырвать человека из лап смерти мы видим в сказке «*Odunçu Həsən*» («Дровосек Гасан»). В сказке рассказывается о том, что визирь и векиль решили руками брадобрея убрать падишаха. Этот их замысел был пресечен именно смехом: «Брадобрей, усадив шаха, готовится его брить. Шах, вспомнив вдруг слова Гасана-киши, захохотал. В это время брадобрей с бритвой в руках стоял над головой шаха. От смеха шаха брадобрей засомневался, у него затряслись руки. Решил, что шах знает обо всем. Бросив бритву на пол, брадобрей начал молить о пощаде» [6, 226]. Любопытно и то, что слова, которые, рассмешив падишаха, спасли его от смерти, помогли и самому Гасану-киши выпутаться из сложного положения и достичь желаемого. Дело в том, что, хотя занимающийся заготовкой дров Гасан-киши и нашел кувшин с золотом, жена не дает ему возможности его тратить. Жена, упершись, утверждает, что золото падишаха, а значит должно быть отдано ему. Направляющийся по воле жены к падишаху дровосек вынужден прибегнуть к хитрости: хочет сказать что-то такое, чтобы падишах прогнал его и он, таким образом, избавится от гнета жены. Спасительными смешными словами, сказанными Гасаном-киши падишаху, были следующие: «Мой покойный отец был зурначи (музыкантом, исполняющим на зурне); скажи, ваше величество, твой тоже был зурначи?» [6, 225]. В сказке функции смеха не ограничиваются спасением падишаха от смерти, а дровосека – от гнета упрямой жены, но также охватывает и казнь предателей: визиря и векиля.

Подобное единство функций смеха по спасению добра и уничтожению зла наблюдаем и в сказке «*Padşah və dəmirçi*» («Падишах и кузнец»). Кузнец, которому были безвинно отрублены руки, приобретает уважение падишаха тем, что не жалуется на судьбу и продолжает по-прежнему веселиться, а тиран дарга, наконец-то несет заслуженную кару [1, т.4, 184].

Одной из главнейших магических особенностей сказок является способность пробудить героя от спячки, сообщить о неизвестных им вещах. Данная функция в

большинстве случаев проявляется в связи с силами, относящимися к потустороннему миру. Наиболее характерен в этом контексте сюжет, связанный со смехом рыб. Общее содержание сюжета заключается в том, что, когда падишах (или его дочь, или его жена) спрашивает у двух рыб, кто из них самец, кто самка, рыбы в ответ смеются. Лишь после того, как падишах созывает многих мудрецов, он узнает причину смеха рыб. Становится известно, что рыбы смеются с иронией, желая сообщить падишаху о творящемся во дворце неприличии: во дворце самцы смешались с самками, некий слуга, одевший женское одеяние, прелюбодействовал с дочерью (или женой) падишаха. Этот знаменитый сюжет изображен в таких азербайджанских сказках как «*Padşahla qızı balıq*» («Падишах и золотая рыбка»), «*Balığın gülməyi*» («Смех рыбы»), «*Padşahla balıqçı*» («Падишах и рыбак»). Изображенные в этих сказках рыбы не обычные рыбы, они представляют водное царство, следовательно, являются относящимися к иному миру необычными существами. Эти существа, давая сказочному герою необычную силу, могут осведомить его и о вещах, неизвестных обычному человеку

Являющийся источником рождения, сотворения, спасающий добро, уничтожающий зло, пробуждающий человека от спячки смех в фольклоре отображается и непосредственно в качестве символа человеческого счастья. Например, в «*Şəminin nağılı*» («Сказке о Шами») [1, т.2, 127-134] рассказывается о том, что у падишаха родилась дочь и он, собрав колдунов, заколдовал склонность девушки к некоему попугаю. Когда к девушке, достигшей брачного возраста, приходили сваты, падишах смотрел на попугая. Если попугай сидел смирно, падишах отправлял сватов тотчас восвояси. Но когда пришли сваты некоего парня, попугай, трижды захохотав, смехом указал на счастливое замужество девушки с этим парнем. Нет ничего удивительного в предсказывающем счастье смехе попугая, который принадлежит к земным существам. Поскольку смех по причине счастья часто встречающееся в нашей реальной жизни явление. Удивляет и вызывает интерес то, что в фольклоре смех может выступать не только как признак счастья, но и непосредственно как его причина и творец. В сказке «Неблагодарная девушка» мы видим наглядную картину этого. Из-за мрачного нрава, постоянных жалоб на судьбу птица счастья подвергает дочь падишаха, живущую в роскоши, немислимым невзгодам, забирает у неё её детей. Неблагодарная дочь падишаха и её муж находят ключи от счастья после длительных превратностей судьбы: «Как только начнешь смеяться, веселиться, тогда избавишься от горя и печали» [1, т.4, 264]. За счет магической силы смеха и веселья дочь падишаха и её муж действительно могут, избавившись от напастей, достичь настоящего счастья.

Мотив о том, что смех приносит счастье человеку, встречается и во многих других сюжетах. Например, один сюжет рассказывает о мужчине, проводящем свои дни в пирах. Даже отобрав все его богатство, падишах не может преодолеть его тяги к пирушкам, веселью. Именно из-за веселого нрава мужику достается кувшин золота [5, 25-26].

В одинаковой степени положительное магическое содержание смеха, возрождающего добро, будучи его помощником, и преодолевая зло, его уничтожающего, не вызывает никаких споров. Но появляется очередной вопрос: характерен ли для

фольклора носящий негативный характер смех героя? Главным способом внесения ясности в вопрос является, конечно же, обращение непосредственно к самим фольклорным образцам. Остановимся на одном из таких образцов – сказке «*Ovçu Pirim*» («Охотник Пирим»). Благодаря слюне падишаха змей и волшебному перстню охотник Пирим получает необыкновенную силу. Он и знает язык и животных, и птиц, и, надевая на палец перстень, достигает всех желаний. Слушающий разговор 2-х коней охотник Пирим громко смеется. Жена не отстает, требуя от него сказать причину смеха. После долгих отпирательств охотник Пирим вынужден рассказать о предмете беседы коней. Чуть позже стадо волков растерзало охотника Пирима [1, т.4, 8-18]. Оставив объяснение этого сюжета на потом, рассмотрим другой сюжет.

Некий парень женится на ангеле. В один из дней мать парня умирает. Когда труп свекрови несут на кладбище, невестка начинает смеяться. После настойчивого требования мужа она так объясняет причину своего смеха: «Потому смеюсь, что прожив столько лет, твоя мать дала кому-то рваные лапти, а кому-то веник. Эти 2 вещи висели на её трупке. На этом свете твоя мать кроме этих 2 вещей никому и ничего хорошего не сделала». После этих слов ангел вынуждена была расстаться с мужем» [2, 105]. Образцы, краткое содержание которых мы привели, на первый взгляд схожи с известными сюжетами о смехе рыб. Схожесть заключается в том, что в результате смеха раскрываются тайны, кто-то становится осведомленным о тайных истинах. Однако у сюжетов, связанных со смехом рыб, есть коренное отличие от вышеприведенных образцов: рыбы вовсе не запрещают раскрывать тайны. А запрет или не запрещение на раскрытие тайны – один из важных факторов для сакрального мира. Если волшебное существо, присущее иному миру, ставит перед героем условие о сокрытии тайны, это условие обязательно должно быть выполнено. Иначе герой может быть наказан. Самым типичным вариантом наказания является придание данному герою необычной силы и возможностей. К слову, отметим, что герой, создающий связь с иным миром, должен выполнять и другие условия: входя в иной мир, не смеяться; не открывать закрытые двери, закрывая двери открытые; какие бы крики не слышал, не оглядываться и пр.

Одним из признаков, отличающих живых от мертвых, является смех. Следовательно, если ты вступил в вотчину мертвых, смеяться там категорически нельзя. Если принять во внимание это поверье, объяснить финал сюжета об охотнике Пириме и волшебной невесте становится легче. Несмотря на то, что в сюжете об охотнике Пириме змея, а в сюжете про волшебную невесту сама ангел наложили запрет на тайну, условие не выполняется. Нарушившая условие ангел наказывается разлукой с мужем, а нарушивший условие охотник Пирим карается смертью! Правда, смерть положительного героя – не характерный признак для сказочной поэтики, и подобное завершение, скорее всего, является продуктом личной фантазии сказителя. Однако факт остается фактом. Охотник Пирим, даже если бы не был убит, в той или иной форме должен был быть наказан. В данном случае нас интересует не форма наказания, а исследование главной причины, определение функции смеха. Хотя главной причиной наказания и было нарушение табу, на вопрос смеха необходимо обратить особое внимание. Поскольку нарушение табу происходит именно после акта смеха и в результате этого акта. Если бы охотник Пирим и ангел в упоминае-

мый момент не рассмеялись бы, естественно, запретные тайны сакрального мира у них никто и не спрашивал бы. Согласно мифологическому поверью, охотник Пирим, слушая речь коней, волшебная невеста при виде повешенных на труп рваных лаптей и веника, не должны были смеяться. Поскольку охотник Пирим, выслушивая сказанное конем, являющимся тотемистическим существом, а невеста, видя подвешенные к трупу и видимые ей только необычным существам вещи, на мгновение, отдаляясь от реального мира, оказываются в мире сакральном. Для вступающего в сакральный мир, как выше отмечалось, смех запрещен. Охотник Пирим и ангел, засмеявшись в указанные моменты, оказались нарушившими этот запрет. А от запрещенного смеха ждать жизнотворной функции, разумеется, было бы неправильным. Этот смех рано или поздно должен был завершиться наказанием героя и так и произошло. Значит, смех вовсе не всегда включает в себе положительное содержание, бывают моменты, когда смех приобретает и негативный оттенок. Об этом свидетельствуют некоторые поговорки:

1. Пешеход всегда смеется над конным.
2. Корова без молока бывает мычащей, а недововитая жена – смешливой
3. Смеется либо голодный, либо голый
4. Сиди возле того, кто плакать заставляет, а не того, кто смешит
5. Над упавшим не смеются.
6. Не смейся над соседом, не то случится и с тобой
7. Тот, кто проходит, смеясь над соседом, будет возвращаться плача

Первая, вторая и третья пословицы ироничны, в доверительной форме иронизируется смех пешего в адрес конного, веселья недововитой жены. Четвертая пословица тоже не должна восприниматься буквально. Косвенно выражаемая этой поговоркой мысль заключается в том, что надо водить дружбу не с равнодушным, а понимающим человеком. А в пятой, шестой и седьмой поговорках говорится о злорадном смехе. Согласно поверью, нельзя смеяться над неудачными днями другого, так как плохие дни, так же как и хорошие, предначертаны человеку свыше. Злорадный смех является смехом людей и экстраординарных существ, представляющих зло. Такого типа смех мы условно называем «дьявольским смехом». Поскольку демонический смех связан не с добром, а со злом, при этом говорить о жизнотворной функции не приходится. Смех Подлеца, желающего в обмен на кусок хлеба выколочь глаза Храбреца (Сказка «*Mərd və namərd*» («Храбрец и Подлец»), голубоглазого, редкозубого косы, оставившего Муталиба у жилища дива является именно смехом представляющих зло злорадных людей. Они выражают свою победу над смехом и удовлетворение этой победой смехом.

В фольклоре, наряду со злонамеренными людьми, становимся свидетелями и смеха, говоря конкретнее, пира олицетворяющих собой зло экстраординарных существ: «Тогда старик сказал: – Сынок, завтра вплоть до заката скачи на коне, до сумерек увидишь трех человек, играющих свадьбу. Пока они будут играть свадьбу, две большие горы будут соприкасаться, не будет места для прохождения. Ты не упускай момент, ударь по лбу играющему свадьбу. Тогда заклятье исчезнет». В этом отрывке, приведенном из сказки «*Qəşəmşəm*» («Гашамшам»), свадьба (смех) указывается как главный источник силы демонического существа. Герой может

преодолеть непреодолимую преграду, лишь препятствием свадьбе. И в сказке «*Çil madyan*» («Пятнистая кобыла») как и в сказке «Гашамшам» рассказывается о волшебном музыкальном инструменте демонического существа. Желая уничтожить героя сын шаха отправляет его на поиски волшебного бубна дива [1, т.5, 77].

Демоническое пиршество можно последовательно исследовать на примере образа джина. Согласно мифологическому представлению, меняющий облик джин ведет человека на развалины, старую мельницу, или глубокое ущелье и приглашает на пир. Самым важным средством завлечения джином людей является свадьбы, веселье, застолье. Рассказывающие о джине сказители особо останавливаются на этом вопросе: «Однажды дед ехал на коне из города в деревню. Вдруг видит, что его зовут по имени.. Воодушевившись, идет к ним. Видит, что там такой шум-гам, как будто светопредставление началось. В одной стороне играют в диредойме (*dirədöymə*), в другой музыка, пение, выпивка... Такой шум-гам, что любо-дорого смотреть.

Они, завидев дедушку, окружают его и вынуждают танцевать, смешат так сильно, что старик едва не лишается чувств» [1, т.4, 171]. Показываемая джином человеку картина сплошная мистификация. Ни звуки музыки, ни застолье. Если человек, охмуряемый и приведенный джином в сборище джинов, произнесет «Бисмиллах» (Во имя Аллаха всевышнего), выдуманная картина вмиг исчезнет. Согласно поверью, если человек не может избежать сборища джинов, сходит с ума и скитается [2, 97]. В смехе и джина, и любого другого существа, представляющего зло, и смехе олицетворяющих добро существ есть общая черта: то, что смех является источником силы. Мы не должны удивляться тому, что этой силой пользуется наряду с добром и зло. Надо вспомнить, что являющиеся символами жизни свет и яблоко в фольклоре порой оказываются в распоряжении сил зла. Разве идущий за светом не оказывается в логове дива? Разве не злонамеренные дервиши порой дают бездетным падишам яблоки жизни? Разве не встречаемся в сказках со случаями появления рогов, странных метаморфоз во внешнем облике у поевших яблок героев?! Если мы отвечаем на подобные вопросы утвердительно, тогда должны относиться как естественному явлению наличию смеха у сил зла, превращению его в магическое средство воздействия демонических сил. Но не должны забывать, что повествование об абсолютной мощи демонической силы, превратившей смех в средство воздействия, для фольклора нехарактерно. По фольклорной логике злая сила рано или поздно должна потерпеть поражение от добра.

Вера в конечное поражение зла дает толчок, в большей степени, для создания образцов, рассказывающих о помощи демонических существ человеку, а не о брошенном ими вызове человеку. В сказке «*Çiraxlı İsa*» («Иса с лампой») [1, т.5, 174-180] волшебной палицей, полученной от дьявола, герой оберегает себя от плохих поступков злонамеренных людей. В сказке «*Keçəllə qazı*» («Плешивый и кади») [1, т.1, 304-309] плешивый побеждает кади с помощью дьявола. В сказке «*Üç qapı*» («3 двери») [6, 117-124] джин пытается отдалить человека от жадности. В сказке «*Şəms-Qəmə*» («Солнце-Луна») [1, т.3, 5-36] встречу героя с самой прекрасной девушкой в мире организует сын падишаха джинов. В одной сказке под названием «*Keçəl*» («Плешивый») [1, т.3, 161-165] узнанное от дьявола заклинание помогло герою в трудную минуту. В отличие от сказок «Иса с лампой» и «Плешивый и кади», в этой сказке помощь дья-

вола человеку становится возможным в результате мошенничества: герой, применив хитрость, обманывает дьявола и таким образом узнает у него заклятье. Выставление демонического существа в глупом свете проявляется и в ряде мифологических сюжетов о джинах. Например, один из таких текстов [2, 103] посвящен обману повитухи, которая с помощью воскового детородного органа превратила новорожденную дочку джина в «мальчика». Как в этом тексте, так и в упоминаемых выше фольклорных образцах типа «Плешивого» речь идет не о магической сущности демонического существа, а превращении этого существа в объект смеха.

Выводы и перспективы. Факты показывают, что присущий злу смех не может занять ведущее место в фольклоре, считать характерным для фольклора превращение смеха в магическое средство воздействия в руках демонических существ не возможно.

Литература

1. Азербайджанские сказки : в 5 т. – Т.1. – Баку : Элм, 1960. (на азерб. языке)
2. Азербайджанские мифологические тексты : [на азерб. языке] / [составитель А. Аджалов]. – Баку : Элм, 1988.
3. Зеленой, травка моя, зеленой : фольклорные образцы / [составитель Б. Абдулла]. – Баку : Гянджлик, 1993. (на азерб. языке)
4. Фарзалиев Т. Народные драмы и представления в Азербайджанском фольклоре / Т. Фарзалиев // Исследования по Азербайджанскому народному устному творчеству. – 4 книга. – Баку : Элм, 1987. (на азерб. языке)
5. Эта земля не будет брошенной : фольклорные образцы, собранные из регионов Лачин, Кубадлы, Зенгилян и Джабраил / [собрание и составление В. Набиоглы, М. Карадашлы, А. Аскер]. – Баку : Язычи, 1995. (на азерб. языке)
6. Девушки построят дом, разрушенный Богом : сказки / [собрание и составление О. Алиев, Р. Халилов]. – Баку : Язычи, 1994. (на азерб. языке)

Иманов М. К. Ритуальний сміх у азербайджанському фольклорі / М. К. Іманов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 134–142.

Для дослідження особливостей комедії в азербайджанському фольклорі необхідно вивчати її зв'язок з міфами та обрядами, а також приділяти увагу тому, що магична субстанція несе в собі сміх. У статті на великому матеріалі азербайджанського фольклору та писемної літератури досліджена чарівна сутність сміху.

Ключові слова: сміх, магія, фольклор, текст

Imanov M. K. Ritual Laughter in Azerbaijan folklore / M. K. Imanov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 134–142.

For research of questions of comedy in the Azerbaijani folklore it is necessary to study communication with myths and ceremonies, to pay attention to what magic essence bears the laughter. In article the magic essence of laughter in folklore on an extensive material of the Azerbaijani folklore and written literature is investigated.

Key words: comedy, magic, folklore, text

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.